
К 200-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА НЕКРАСОВА

УДК 821.161.1

DOI: 10.31249/litzhur/2021.52.01

И.А. Едошина
© Едошина И.А., 2021

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ: Н.А. НЕКРАСОВ И А.Н. ОСТРОВСКИЙ

Аннотация. В статье проводится сравнительное сопоставление биографий двух писателей XIX века – Н.А. Некрасова и А.Н. Островского. При этом используется опыт подобного сопоставления в классическом труде Плутарха «Сравнительные жизнеописания», где сквозь судьбы известных исторических деятелей просматриваются идейные мотивы времени. Автор статьи обнаруживает сходства и различия в жизнях писателей, начиная с детских лет и заканчивая временем, когда оба уже сформировались и обрели известность. Отмечаются те люди, которые сыграли значительную роль в формировании взглядов писателей: В.Г. Белинский – для Н.А. Некрасова, А.А. Григорьев – для А.Н. Островского. Анализируются произведения писателей с целью выявления того, как их взгляды отражаются в текстах. В итоге автор приходит к выводу, что в биографиях Н.А. Некрасова и А.Н. Островского отразились два пути в понимании сущности бытия: революционный и органический.

Ключевые слова: биография; сравнительное жизнеописание; идеология времени; художественные образы.

Получено: 02.02.2021

Принято к печати: 02.03.2021

Информация об авторе: *Едошина* Ирина Анатольевна – доктор культурологии, кандидат филологических наук, профессор, Костромской государственный университет, ул. Дзержинского, д. 17, 156005, Кострома, Костромская область, Россия.

E-mail: tettixgreek@yandex.ru

Для цитирования: Едошина И.А. Сравнительные жизнеописания: Н.А. Некрасов и А.Н. Островский // Литературоведческий журнал. 2021. № 2(52). С. 9–41. DOI: 10.31249/litzhur/2021.52.01

Irina A. Yedoshina
© Yedoshina I.A., 2021

COMPARATIVE BIOGRAPHIES: N.A. NEKRASOV AND A.N. OSTROVSKY

Abstract. The article compares the biographies of two writers of the 19th century – N.A. Nekrasov and A.N. Ostrovsky. The experience of such comparison is used in Plutarch’s classic work «Comparative Biographies», where the spirit of time is revealed through the fates of famous historical figures. The article discovers similarities and differences in the lives of both writers, from childhood to the time when they have already become personalities and got recognition. It is noted that the role of V.G. Belinsky in the formation of Nekrasov’s views was similar to the one of A.A. Grigoriev for A.N. Ostrovsky. The analysis traces how the views of the two writers are revealed in their texts. The author concludes that the biographies of N.A. Nekrasov and A.N. Ostrovsky reflect two ways of understanding the essence of being: revolutionary and organic.

Keywords: N.A. Nekrasov; A.N. Ostrovsky; biography; comparative biography; ideologems of time; artistic images.

Received: 02.02.2021

Accepted: 02.03.2021

Information about the author: *Irina A. Yedoshina* – Doctor of Culturology, PhD in Philology, Professor, Kostroma State University, Dzerzhinskogo 17, 156005, Kostroma, Kostroma Oblast, Russia.

E-mail: tettixgreek@yandex.ru

For citation: *Yedoshina I.A.* Comparative life descriptions: N.A. Nekrasov and A.N. Ostrovsky. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no.2(52), 2021, pp. 9–41. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2021.52.01

*Великие натуры могут таить в себе
и великие пороки, и великие доблести.
Плутарх (пер. С. Маркиша)*

Идея сравнительных жизнеописаний с включением в них событий самого разного свойства, через которые характеры людей раскрывались бы всесторонне, принадлежит Плутарху (ок. 45 – ок.

127 н.э.). Он жил в Херонее (Беотия) во времена, когда Северный Пелопоннес стал отдельной римской сенатской провинцией, сохранив греческое название Ахайя, зато греков стали именовать презрительно *гречешки* – Graeculi (заглавная буква в написании может прочитываться в данном контексте как намек на былое величие). В составляемых жизнеописаниях Плутарх надеялся прояснить сложившуюся историко-культурную ситуацию – сосуществование Рима и Греции в единых государственных пределах – через судьбы известных людей. Подобный подход для понимания русской культуры представляется актуальным по той причине, что спор заволжских старцев с иосифлянами, Раскол, реформы Петра Первого, крепостное право разделили единый когда-то народ на старообрядцев и никониан; образованных на европейский лад, говорящих не по-русски, одетых не по-русски господ и бесправных, но говорящих по-русски и одетых по-русски крестьян; революционно настроенную в традиции европейских ценностей интеллигенцию и стремящихся сохранить русскую идентичность их противников. Сопоставление биографий А.Н. Островского и Н.А. Некрасова позволяет увидеть «цветную сложность» указанных процессов, их неоднозначность, а подчас и драматизм.

В статье одного из классиков советского некрасоведения в отношении А.Н. Островского и Н.А. Некрасова утверждается: «И личная приязнь, и творческий обмен, и бытовые связи обоих писателей, и близость их к народному миру не требуют особого подтверждения» [38, с. 135]. Действительно, в просмотренных мною биографиях Н.А. Некрасова, написанных Н.Л. Степановым (1962), В.В. Ждановым (1971, ЖЗЛ), Н.Н. Скатовым (2-е изд., испр., 2004, ЖЗЛ), а заодно в томе «Н.А. Некрасов в воспоминаниях современников» (1971) А.Н. Островский, в отличие от Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева, И.С. Тургенева, Панаевых, А.В. Дружинина и многих других, всего лишь упоминается, словно подтверждая: отношения драматурга с Н.А. Некрасовым – некое общее, всем известное место. В многотомном исследовании жизни и творчества Н.А. Некрасова, написанном В.Е. Евгеньевым-Максимовым, есть глава, посвященная дружбе в жизни Н.А. Некрасова, где автор специально акцентирует: «Наряду с любовью в жизни Некрасова не меньшее, а может быть, большее значение играла дружба (курсив В.Е. Евгеньева-Максимова. – *И. Е.*)» [9, с. 320].

В этой главе рассказывается о дружеских отношениях Н.А. Некрасова с В.Г. Белинским, Н.А. Добролюбовым, И.С. Тургеневым, В.П. Боткиным, о перипетиях в этих отношениях, и – ни слова, даже упоминания об А.Н. Островском.

Биографии А.Н. Островского, написанные С.К. Шамбинаго (1937), А.И. Ревякиным (1949), С.Н. Дурьлиным (1949), сильно пропитаны советской идеологией. Причем у С.К. Шамбинаго – явно вынужденно, о чем свидетельствуют не совпадающие с навязанной идеологией эпизоды, а биография, принадлежащая перу А.И. Ревякина, сознательно и убежденно вписывается автором в советские идеологемы. Биография Н.Н. Долгова (1923) счастливо избежала этой судьбы, будучи написанной и изданной в еще относительно свободное время. В этой биографии, как и у А.И. Ревякина, С.К. Шамбинаго, также упоминаются отношения А.Н. Островского с Н.А. Некрасовым, но подаются в привычной для XIX в. демократической манере. С.Н. Дурьлин видел творчество А.Н. Островского сквозь призму статей Н.А. Добролюбова (особенно наглядно в советский период), недолюбливал драматурга за его критику в адрес купечества, поскольку происходил из этой среды.

В 1979 г. в серии ЖЗЛ выходит книга М.П. Лобанова «Островский». За издание этой книги, а также «Гончарова» (1977) Ю.М. Лощица, «Гоголя» (1979) И.П. Золотусского главный редактор серии ЖЗЛ – Юрий Селезнев – в 1981 г. будет изгнан из издательства «Молодая гвардия». Основанием послужили неуважительные высказывания авторами названных книг в адрес Чернышевского и Добролюбова. Книга М.П. Лобанова написана как почти художественное произведение, наполненное обилием сцен с вдруг ожившими действующими историческими лицами. М.П. Лобанов видит в драматурге не борца с государственным строем, а писателя, основу творчества которого сформировали базовые ценности русской культуры. В этой книге приводится целый ряд эпизодов в общении А.Н. Островского и Н.А. Некрасова. В частности, подробно воспроизводится эпизод посещения драматургом Карабихи, причем вполне правдоподобно, с явной опорой на известные свидетельства [22, с. 270–274].

В 1982 г. в издательстве «Искусство» выходит 2-е издание книги В.Я. Лакшина «Александр Николаевич Островский», глав-

ное отличие от первого (1976) заключается в появлении примечаний к главам. Как и книга М.П. Лобанова, биография, написанная В.Я. Лакшиным, тоже не лишена художественности. На страницах биографии драматурга В.Я. Лакшин появляется как своеобразный наблюдатель, не только описывающий события, но и дающий им оценку. Возможно, отмеченная склонность к искусству в изложении биографии связана с тем, что А.Н. Островский был очень закрытым человеком, особенно в части личной жизни. Но общность двух биографов касается именно способа изложения материала, поскольку идеологически авторы расходились очень сильно. В.Я. Лакшин не единожды останавливается на эпизодах общения А.Н. Островского и Н.А. Некрасова. В частности, он замечает, что «Островского подкупала в Некрасове его крепость, надежность. Он всегда помнил те простые и нужные слова поддержки и утешения, какие Некрасов безошибочно находил для него» [19, с. 432]. Несколько страниц уделено их отношениям в главе, посвященной журналу «Отечественные Записки».

Научно выверенным и подробным в фактологическом аспекте является труд Пушкинского Дома – «Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова» (2006–2009) под редакцией Б.В. Мельгунова, где, в частности, собраны все сведения об общении драматурга с его издателем. По сравнению с аналогичной «Летописью» (1935) Н.С. Ашукина здесь даны фрагменты из эпистолярия, мемуара, уточнены некоторые даты.

Что касается «Летописи жизни и творчества А.Н. Островского» (1953) Р.Л. Когана, то при всей фактологичности труд этот буквально пропитан советской идеологией, хотя эпизоды, связанные с Некрасовым в жизни и творчестве драматурга, воспроизведены достаточно полно. Но Р.Л. Коган писал не на пустом месте, во многом основываясь на труде Г.Т. Синюхаева «Труды и дни Островского» (1924) и дополнениях Б.В. Томашевского (1924). «Летопись жизни и творчества А.Н. Островского» (2013) С.Н. Кайдаш-Лакшиной – небольшая по объему, к сожалению, не на все источники информации есть ссылки, в аспекте интересующих нас отношений А.Н. Островского и Н.А. Некрасова ничего нового не выявляется.

Однако летопись не предполагает никаких сравнений в силу иных задач, как и статьи, где сопоставляется творчество двух пи-

сателей [см.: 5; 18; 21]. Такое сопоставление, правда, в очень краткой форме, дано в сопроводительной статье к переписке А.Н. Островского и Н.А. Некрасова [16]. Ранее эта тема была представлена в статье Н.В. Осьмакова «Некрасов и Островский», где автор подробно останавливается на творческих связях писателей, справедливо замечая: «Вряд ли можно говорить о полной общности идейно-эстетических взглядов этих двух своеобразных художников... но нельзя не отметить, что их пути в определенные периоды перекрещивались» [33, с. 95]. Н.В. Осьмаков подробно разбирает эти «перекрещивания», базируясь в основном на переписке и статьях Н.А. Некрасова о пьесах драматурга. При этом он остается на вполне советском понимании существа творчества А.Н. Островского, считая, что воззрения Н.А. Некрасова предвосхитили позицию Н.А. Добролюбова, «с какой он подошел к широкому рассмотрению объективного значения его драматургии» [33, с. 102]. Объективное – это «без славянофильских наслоений» самого автора. Из работ, посвященных творческим связям Н.А. Некрасова и А.Н. Островского, наиболее адекватной представляется статья Ю.В. Лебедева, где автор анализирует их произведения, обнаруживая внутренние переклички без каких бы то ни было идеологических установок [21].

В отличие от «Воспоминаний о Некрасове», подготовленный А.И. Ревякиным том «А.Н. Островский в воспоминаниях современников» (1966) содержит довольно много отсылок к Н.А. Некрасову, часть которых будет использована мной в этой статье, где представляется сопоставление фактов из биографий А.Н. Островского и Н.А. Некрасова. Первая попытка такого сопоставления была предпринята мной в книге, посвященной творчеству драматурга [12].

* * *

Отношения А.Н. Островского и Н.А. Некрасова, тесно связанных с костромской и ярославской землями, никогда не были однозначными, в первую очередь в силу разницы самих личностей и вытекающего отсюда понимания бытия. Тем не менее в библиотеке Н.А. Некрасова были отдельные тома из собрания сочинений А.Н. Островского, изданного в 1859 г. графом Г.А. Кушелевым-

Безбородко. В 1874 г. Н.А. Некрасов совместно с А.А. Краевским издаст собрание сочинений А.Н. Островского, которое поэт также хранил в своей библиотеке. Да и А.Н. Островский относился к Н.А. Некрасову с симпатией. Но «хлопотал познакомиться с Островским» [35, с. 173] именно Н.А. Некрасов.

Они происходили из разных семей: Н.А. Некрасов – из дворянской среды, родословная А.Н. Островского корнями уходила в жизнь церковную. Прадед и дед Н.А. Некрасова были людьми весьма обеспеченными, но страсть к карточной игре расстроила их состояние. Отец писателя унаследовал эту страсть, был военным, выйдя в отставку, жил в крайне стесненных материальных обстоятельствах в собственной усадьбе. По свидетельствам его бывших крепостных, отличался грубостью и жестокостью. Предки А.Н. Островского были священниками, отец драматурга также получил духовное образование, был человеком начитанным, обладавшим острым умом, что позволило ему сделать успешную карьеру, нажить капитал и получить дворянство. У отца драматурга тоже были крепостные, но документальных свидетельств о его отношении к ним не выявлено.

И отец Н.А. Некрасова, и отец А.Н. Островского женились по любви. Елена Андреевна Некрасова была дамой высокообразованной, получившей прекрасное воспитание в богатой дворянской семье. Отец Некрасова увез будущую жену втайне от ее родителей и венчался с нею в церкви тоже тайно. Увы, счастливой семейной жизнью чета Некрасовых не отличалась. Деспотический характер главы семейства вкупе с игорной страстью приносили невероятные страдания его жене и детям. Будущая жена Н.Ф. Островского, Любовь Ивановна, происходила из бедной церковной среды, образование имела духовное и самое минимальное. Супруги жили счастливо и многодетно в течение одиннадцати лет, до ее смерти. Н.А. Некрасов потеряет мать в двадцать лет, А.Н. Островский – в тринадцать лет. Оба сохраняют благодарную память о своих матерях, остро переживая их уход. В пьесах А.Н. Островского мотив сиротства встречается часто, внося в коллизию драматический, а подчас трагический оттенок, как, например, в «Без вины виноватых» (1883). Драматический образ матери встречается в целом ряде произведений Н.А. Некрасова, например, «Рыцарь на час» (1862), «Мать» (1868), в сборнике «Последние песни» (1877). Воз-

можно, именно судьбы матерей сыграли значимую роль в том, что свои собственные (официальные) семьи писатели создадут по тем временам довольно поздно: А.Н. Островский – в 46 лет, Н.А. Некрасов – в 56 лет.

А.Н. Островский получил неплохое образование, вначале в семье, затем в Первой Московской гимназии, проучился два года на юридическом факультете Императорского Московского университета и ушел по причине (сугубо внешней) вымогательства взятки, а по существу, из-за тяги к театральному искусству и писательству. Отец дважды устраивал его на работу в суды, и дважды А.Н. Островский покидал службу. Н.А. Некрасов катастрофически не имел желания получать систематическое образование. Не смог окончить Ярославской гимназии, был отправлен отцом, который, видимо, понял, что сын не в состоянии учиться, в Петербург для устройства карьеры военного. Но вместо этого Н.А. Некрасов решает поступить в Императорский Петербургский университет, трижды сдает экзамены на разные факультеты, даже зачисляется вольнослушателем, но учебу бросает. Отцы обоих, и А.Н. Островского, и Н.А. Некрасова, не одобрили решений своих сыновей и лишили их всякой финансовой поддержки.

Н.А. Некрасов страшно бедствовал, и на помощь пришло сочинительство: «Куда голову преклонить – не знаю? Оставалось еще несколько рублишек, я нанял себе угол за два рубля в месяц. Пить, есть надо, я и задумал стишонки забавные писать. Напечатал их на листочках и стал гостинодворским молодцам продавать. Разошлись» [цит. по: 34, с. 200]. В конце концов, он знакомится с В.Г. Белинским, который становится его *университетом*, хотя сам «неистовый Виссарион» университетского образования не имел, и как Н.А. Некрасов, не знал иностранных языков. В отношении обоих может быть применима характеристика, которую А.С. Суворин дал Н.А. Некрасову: «Не зная ни одного иностранного языка, почти ни одного иностранного слова, получив отрывочное, кое-какое образование, не кончив нигде курса (Белинский все-таки гимназическое образование получил. – *И. Е.*) ... он быстро все схватывал и не только не терялся среди образованных, научно развитых, молодых людей сороковых годов, но стал между ними, как нечто очень оригинальное, самобытное, крепкое, поражавшее знанием людей и жизни вообще» [41, с. 202]. А.Н. Островский

свободно владел английским, французским, немецким, испанским, итальянским языками; из древних языков свободно переводил с латинского, неплохо – с древнегреческого. Знал музыкальную грамоту, мог играть с листа на музыкальных инструментах. Но трудности жизни, оказавшись без родительского вспомоществования, испытал в полной мере, хотя, конечно, не в такой тяжелой форме, как Н.А. Некрасов. Все-таки Н.А. Островский жил пусть не в самом лучшем, пусть не ему, а отцу принадлежащем, но все-таки в своем доме. Он проживет здесь много лет, не имея средств для улучшения своего быта. А.А. Краевского, заезжавшего к А.Н. Островскому на предмет публикации «Банкрута» в «Отечественных Записках», поразила скромность обстановки дома в сравнении «с пышной обстановкой ближайших к нему петербургских литераторов: Некрасова, Панаева, Дудышкина» [3, с. 45–46]. Ему вторит С.В. Максимов: «В немногих и тесных комнатах Островского не нашлось бы места тем широким оттоманкам Тургенева... на которых спокойно велись литературные беседы и беззаботно валялись довольные своим настоящим: счастливый в денежных делах Некрасов, обеспеченный отцовскими наследствами артиллерийский офицер... граф Толстой, умеренный и аккуратный А.В. Дружинин, обеспеченный доходами с журнала И.И. Панаев, очень богатый от чайной торговли отца В.П. Боткин и др.» [23, с. 123–124].

Но не разницей в материальном благополучии определяются будущие судьбы двух литераторов, а именно в том, кому они наследовали в своих мировоззренческих установках. В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский – все по корням выходцы из церковной среды, с ней порвавшие и по этой причине скептически (мягко говоря) настроенные в отношении к вере в Бога. На этой почве формируется их неприятие и резкая критика в сторону государственного устройства России, базирующееся на известной триаде «самодержавие, православие, народность». Другой вопрос, что обозначенная формула была скорее провозглашаемой, нежели исполняемой. Не случайно власти буквально преследовали все издания, отстаивающие национальные ценности или хотя бы в какой-то части на них ориентированные. Так, «Москвитянин» М.П. Погодина продержался неполных 15 лет; «Европеец» И.В. Киреевского, вышедший в 1832 г. двумя номерами, был за-

прещен властями; подчас журнал сталкивался с равнодушием в образованном обществе, как, например, «Русская Беседа» (1856–1860); журналы братьев Достоевских: «Время» издавалось неполных три года, а «Эпоха» – менее двух лет; журнал «Библиотека для Чтения» при О.И. Сенковском, А.В. Дружинине, А.Ф. Писемском выходил 26 лет, пришел демократ П.Д. Боборыкин – и журнал менее чем через два года закрылся. Для сравнения: журнал «Вестник Европы» в 1802–1830 гг. выходил под присмотром Н.М. Карамзина, затем им стал управлять М.М. Стасюлевич, журнал получил ярко выраженную либерально-демократическую окраску и выходил с 1866 по 1911 г.; «Современник» с разными редакциями, но вполне прочитываемой либерально-демократической ориентацией, особенно заметной при редакторах И.И. Панаеве и Н.А. Некрасове, издавался 30 лет; «Отечественные Записки» – журнал, открыто стоявший на либеральных позициях, выходил с 1818 по 1884 г. Конечно, эти журналы (как, кстати, и «Русский Вестник» при М.Н. Каткове) тоже испытывали немалый прессинг со стороны властей, но выходили довольно длительное время. Потому *университет* Н.А. Некрасова под названием *Белинский* не мог не привести Н.А. Некрасова в ряды революционно настроенных деятелей. В его выборе сказалось самое время, толкавшее страну к будущему большевизму. Потому вполне закономерно, что творчество Н.А. Некрасова всегда входило в школьные программы, его книги издавались в советское время огромными тиражами.

Конечно, пьесы А.Н. Островского тоже не запрещались, активно публиковались при советском режиме, но прочитывались исключительно сквозь призму статей Н.А. Добролюбова: «В крепостнических условиях трудящиеся были бессильны для решительного выступления против власти угнетения, но будущее принадлежало им. Над темным царством уже забрезжил рассвет, ширилось недовольство, возникала и росла органическая потребность новых форм жизни, все громче раздавались протестующие голоса» [37, с. 192]. Это написано о «Грозе» А.Н. Островского. Под добролюбовской записью скрывались и священнические корни драматурга, от которых он, кстати, никогда не отказывался, потому его герои верят в Бога, ходят в церковь, способны к раскаянию; и его умение представить человека не только с темной, но и светлой стороны, показать сложность человеческой природы.

В христианской истории Бог сотворил человека по своему Образу, оставив ему свободу выбирать подобие или неподобие Себе. Н.А. Некрасов выбрал неподобие, и в этом «не» он был не одинок. Отрицать проще, чем утверждать, отрицание замкнуто на самом себе (по Базарову в «Отцах и детях» И.С. Тургенева, главное – место расчистить). В отрицании есть та радость новизны, что влечет человека возможностью быстрого осуществления: ломать, как известно, – не строить.

Утверждение неизменно в реализации чего-то, в построении чего-то. Оставшись в пределах веры своих предков, выбрав утверждение, А.Н. Островский оказался близок «литературному изгнаннику» – Аполлону Григорьеву с его идеей «органической критики». Он отстаивал не переделку бытия, а его естественное развитие, что должно проявляться, например, в критике, задача которой обнаружить или не обнаружить в произведении искусства эту органику. В пьесах А.Н. Островского «органическая» теория Аполлона Григорьева явилась в лицах. Потому он с таким восторгом принял его пьесы, много писал о них, за что не единожды подвергался критике со стороны либерально настроенных деятелей культуры, как, впрочем, и сам драматург. Аполлон Григорьев почти не был услышан современниками (за исключением Н.Н. Страхова), зато, как и А.Н. Островский, обильно закраснен всеми возможными отрицательными характеристиками, из коих главная – «пьяница».

В связи с этим хочется напомнить мысль Г. Гейне о том, что перо гения всегда выше самого гения. Аполлон Григорьев был хорошо образован, знал несколько европейских языков, переводил, работал редактором, писал статьи, стихи и прозу. Его перу принадлежит одна из самых драматических автобиографий – «Мои литературные и нравственные скитальчества» (1862), работу над которой прервала смерть. Аполлон Григорьев не стал путеводной звездой для российского образованного общества в XIX в., видевшем будущее страны только в революционных преобразованиях. Хотя, например, Б.Ф. Егоров вслед за Б.Я. Бухштабом, П.П. Громыным, Б.О. Костелянцем обнаруживает у него революционные и антиклерикальные произведения, увлечение идеями Фурье. Правда, с определенной оговоркой, что все это были увлечения петербургского периода, свидетельства глубокого духовного кризиса и при-

ближения к идеалам «Москвитянина» [10, с. 344–347]. В XX в. по той же причине близости к славянофильству, хотя сам Аполлон Григорьев категорически отрицал свою какую-либо политическую принадлежность, он оказался просто изгнанным из отечественной культуры. В школьной программе Н.А. Добролюбов был, Аполлон Григорьев – полностью отсутствовал.

К сожалению, переписка А.Н. Островского с А.А. Григорьевым не обнаружена, хотя они активно общались и переписывались, состояли в явно дружеских отношениях, почему, например, Аполлон Григорьев мог ему писать: «Поведение твое гнусно – если на него нет *circonstances attendantes* (франц., контекстный перевод: обусловленных чем-то обстоятельств. – *И. Е.*), – а в таком случае, т.е. при существовании *circonstances attendantes*, меня страшно беспокоит и твое молчание и твое отсутствие... <...> я отдался совершенно воле ветров – и куда они меня бросят, туда и поеду» [26, с. 80]. Или: «По-старому верующий в тебя как в путеводную звезду Аполлон» [1, с. 285]. Сознательно выбрав идею органики бытия А.А. Григорьева, А.Н. Островский оказался вне мейнстрима своего времени, чего не могли не почувствовать и почувствовали либерально ориентированные деятели культуры. Но именно идея органики позволила драматургу видеть жизнь в ее многообразии, в дополнении одного другим, потому он никогда и не был сатириком, не бичевал действительность, не навязывал ей вычитанных из книг идей, не загонял жизнь в это прокрустово ложе. Мистическим образом близость А.А. Григорьева и А.Н. Островского определилась общим *genius loci*: детство обоих прошло в Замоскворечье.

Родительская семья А.Н. Островского жила в Москве, а родительская семья Н.А. Некрасова – в усадьбе Грешнево Ярославской губернии, где поэтом будет создана «Грешневская тетрадь» (изд.: Ярославль, 2015). Потом отец драматурга приобретет усадьбу Щельково в Костромской губернии, а после его смерти братья Островские выкупят эту усадьбу у мачехи. Н.А. Некрасов на собственные деньги купит усадьбу в Карабихе Ярославской губернии. В обеих усадьбах будут жить братья: в Щельково – Александр и Михаил Островские, в Карабихе – Николай и Федор Некрасовы, правда, с одной разницей: А.Н. Островский с семейством будет занимать главный дом, а Михаил построит себе отдельное здание

(сохранился только его фундамент); Н.А. Некрасов поселится в восточном флигеле, а главное здание займет семья брата Федора. Обе усадьбы использовались писателями как дачи, где они не только отдыхали, но и работали.

Усадьбы в Щельково и Карабихе были основаны в XVIII в., их судьбы отражали повсеместный в России XIX столетия процесс утраты дворянством своего социального статуса и неизбежного вырождения, запечатленного А.Н. Островским, например, в комедии «Лес» (1871). При этом разница между усадьбами была и остается весьма значительной. Усадебный дом Островских в Щельково – двухэтажное деревянное здание с анфиладой комнат, все довольно скромно и сугубо функционально. Единственная роскошь – это (во времена драматурга) пейзажные виды из окон на парк, деревушки и ленту реки Куекши. Усадебный дом Н.А. Некрасова относится к усадьбам дворцового типа: главный дом, два флигеля, два парка, регулярный и пейзажный, пруды с каскадами.

Разница в усадьбах отражала финансовую сторону жизни писателей. Н.А. Некрасов бедствовал только в начале своей жизни, а потом жил на широкую ногу богатого барина: сначала в основном благодаря карточной игре, потом и приобретенной собственности, приносившей хорошие доходы. А.Н. Островский всю жизнь страдал от безденежья, добывая средства к существованию литературным трудом, кормя и обеспечивая обширное семейство. И вот здесь между ними проходит четкая разграничительная линия. Если Н.А. Некрасов умел распоряжаться деньгами, то А.Н. Островский – катастрофически нет, хотя получал вполне приличные гонорары, например, в журналах Н.А. Некрасова, особенно в «Отечественных Записках». Так, в гонорарной ведомости по первому номеру за 1871 г. указывается, что А.Н. Островскому за пьесу «Лес» выплачено 1000 рублей. Замечу, в разы больше, чем кому бы ни было в этом номере. В конце ведомости есть о многом говорящая приписка, что всю сумму у драматурга удерживают, видимо, как уже выданную заранее [6, с. 306, 307]. В номере девять за этот же год А.Н. Островскому начислено за комедию «Не все коту масленица» 750 рублей, с припиской о полном удержании суммы, видимо, по той же причине [6, с. 317]. Опять-таки драматург получил больше всех остальных авторов, чьи произведения напечатаны в этом номере журнала. Из воспоминаний С.Н. Худекова следует, что

«число листов не принималось в расчет» и что Н.А. Некрасов, на самом деле, платил за пьесы вперед [43, с. 306]. Не от щедрости и не по причине особого душевного отношения, просто журналы стояли в очередь за его пьесами, предлагали хорошие гонорары. Н.А. Некрасов был вынужден вписываться в предлагаемые обстоятельства, но безденежье все равно не покидало А.Н. Островского.

Конечно, А.Н. Островский часто писал пьесы под бенефисы актеров, за постановку таких пьес автор не получал гонорара. Однако в репертуаре его пьесы были, он их публиковал, получал деньги за работу с актерами при постановке, занимался переводами. Денег все равно катастрофически не хватало. Большая семья, съемные квартиры, прислуга, неумение жены (актрисы в прошлом) распорядиться деньгами и, вероятно, собственное тоже, стремление быть хорошо одетым, принимать гостей – все это требовало расходов. Письма А.Н. Островского полны жалобами на нехватку денег, просьбами выдать деньги вперед за пьесу, а то и вовсе прислать хоть сколько-нибудь. Материально Н.А. Некрасов жил несопоставимо лучше, обеспеченнее. Возможно, не без влияния Н.А. Некрасова появляется у А.Н. Островского персонаж, увлеченный игрой в карты: Дульчин из «Последней жертвы» (1878). Правда, в отличие от Н.А. Некрасова, Дульчин игрок неудачливый. Разорив одну женщину, он устремляется к другой, имеющей деньги, чтобы их промотать тоже. Конечно, подобное развитие драматической фабулы не имело никакого отношения к Н.А. Некрасову.

В любовных увлечениях А.Н. Островского и Н.А. Некрасова много сходства. Оба жили невенчанными браками: А.Н. Островский 20 лет прожил с Агафьей Ивановной Ивановой, Н.А. Некрасов – 18 лет с женой своего коллеги по «Отечественным Запискам» – Авдотьей Яковлевной Панаевой. Эти женщины различались между собой, как небо и земля. Агафья Иванова была женщиной миловидной, но очень простой, занималась исключительно ведением домашнего хозяйства, по большей части сторонилась собиравшихся в их доме друзей А.Н. Островского. Авдотья Панаева отличалась необыкновенной красотой, сочетавшейся с умом, писательским дарованием. Она была для Н.А. Некрасова не только любимой женщиной, но и сподвижником в делах. У обоих в этих условных браках рождались и умирали дети. Оба увлекались актрисами. Роман А.Н. Островского с актрисой Л.П. Никулиной-

Косицкой длился с перерывами в течение десяти лет, он страстно хотел на ней жениться, но согласия не получил. Н.А. Некрасов в течение шести лет был увлечен французской актрисой Селиной Лефрен, они встречались и в России, и во Франции. Француженке, скорее всего, льстило внимание известного в России поэта (как Л.П. Никулиной-Косицкой – драматурга), к тому же человека состоятельного, но сильного чувства с ее стороны к нему не было. Однако Н.А. Некрасов ее не забывал до конца жизни, оставив в завещании некоторую сумму денег.

А.Н. Островский, будучи человеком театра, женился на актрисе, но сделал это только после смерти своей невенчанной жены. Он женился не столько из любви, сколько из чувства долга перед родившимися детьми, которые не имели права на его фамилию, а он – на их официальное отцовство. Свою роль сыграла память о собственном сиротстве. Драматург очень любил своих детей, всегда о них заботился, их болезни доставляли ему невероятные страдания. Ради детей он работал и в Москве, и на «отдыхе» в Щельково.

Н.А. Некрасов женился прямо перед самой смертью, детей не имел. Станным образом жену его звали Фёкла Анисимовна Викторова, словно она вышла из какой-нибудь пьесы А.Н. Островского. Она происходила из крестьянской среды, была хороша собой и очень проста. Н.А. Некрасов переименует ее в Зинаиду, затем даст ей свое отчество, а после венчания – и фамилию. У А.Н. Островского была Агафья, а у Н.А. Некрасова – Фёкла, простые женщины, любившие их искренне и бескорыстно.

В обрисованной свободе отношений между писателями и их возлюбленными явно сказывается начавшая набирать в XIX в. силу идеология свободных отношений между мужчиной и женщиной. И здесь оба писателя вполне были в духе своего времени. Кроме того, богатый любовный опыт позволил им создавать удивительные по своей точности и глубине переживаний женские образы.

Н.А. Некрасов был страстным охотником, его кабинет украшали чучела медведицы с медвежатами. А.Н. Островский был страстным рыболовом, но кабинет его украшали фотографии в выпиленных им самим рамках. В красном углу столовой в щельковском доме – икона; слова «Бог», «Господь» – не пустой

звук в устах его действующих лиц, особенно героев и героинь. Когда В.Е. Евгеньев-Максимов в разговоре с женой Н.А. Некрасова «решился предложить вопрос, в какой мере доступны были ее мужу религиозные настроения, которыми живет теперь она», Зинаида Николаевна честно призналась, что не знает [цит. по: 39, с. 416]. Обратимся в связи с этим к поэме Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос» (1863), во многом построенной на фольклорной основе. Но, конечно, одним фольклором народное сознание не исчерпывается. Жизнь крестьян от рождения до смерти была вписана в христианские праздники, которые органично сочетались с природными циклами времен года. У В.И. Даля собрание пословиц русского народа открывается утверждением: «Жить – Богу служить» [36, с. 53].

В отличие от сознания поэта Н.А. Некрасова, бывшего под сильным впечатлением идейных борений в области демократизации российской действительности, которое требовало как минимум критического отношения к церкви, сознание русского крестьянина было воцерковленным. Потому Дарья не могла не обращаться с молитвой к Богу, причем обращаться изначально, сразу же, как и престарелые родители Прокла. Ничего подобного у Н.А. Некрасова, конечно же, нет. Прокла сначала окатывают водой, потом ведут в баню, затем над ним колдуют ворожейки, продевают сквозь потный хомут, опускают в «пролубь». Наконец, появляется предложение совсем уж фантастической формы лечения:

Еще положить под медведя,
Чтоб тот ему кости размял [27, с. 89].

Конечно, все обозначенные формы «лечения» могли быть и, скорее всего, были (Н.А. Некрасов обычно стремился быть достоверным в описании народной жизни). Но молитва должна была бы сопровождать процесс борьбы с болезнью. Однако молитве места не находится. Наконец, Дарья вспоминает о Боге:

Пошла в монастырь отдаленный
(Верстах в десяти от села),
Где в некой иконе явленной
Целебная сила была.

Пошла, воротилась с иконой
Больной уж безгласен лежал,
Одетый как в гроб, причащенный.
Увидел жену, простонал

И умер... [27, с. 89].

Ничего другого и не могло произойти в поэтическом воображении поэта-демократа Н.А. Некрасова даже в одном из лучших его произведений, потому пока тело Прокла подвергают физическим воздействиям, герой живет, а увидев жену с иконой, тут же умирает. Из этого, видимо, должно быть понятно, что вера дело явно пустое и бессмысленное. Остается большой загадкой, кто и когда успел причастить Прокла. Мотив же причащения возникает все по той же причине, что Н.А. Некрасов (при всех его идейных увлечениях) понимал: не мог крестьянин уйти из жизни без причастия, не мог. По замечанию костромского краеведа Н.А. Зонтикова, события, описываемые в поэме, имеют отношение к Костромскому краю, в частности к Шоде. «...по прямой на север в 14 верстах от Шоды находится Спасо-Геннадиев монастырь – главный религиозный центр Покостромья. В Спасо-Преображенском соборе монастыря вплоть до 1920 года покоились мощи преподобного Геннадия Костромского и Любимоградского († 1565 г.), издавна почитаемого населением северной части Костромского и всего Любимского уездов» [25, с. 79–80].

Н.А. Некрасов не то чтобы был вовсе атеистом, но скорее – равнодушным к вопросам религии человеком, слово «Бог» было неким присловием (характерный оборот – «благодарение Богу») [см. иную точку зрения: 20; 40]. Потому, например, в стихотворении «Молебен» (1876) общая молитва крестьян не перекрывает картины холодного и голодного селения, а лирический герой Н.А. Некрасова, оказавшись здесь же в церкви, обращается к Богу «невольно». В «Рыцаре на час» (1862) блестяще написанные поэтом картины природы сменяет образ церкви «в стороне от больших городов». Образы природы и церкви согреты глубоким чувством к матери, а потому на какое-то время преодолевают риторичность, которая буквально выплеснется в финале стихотворения. Но церковь является поэту во сне, одинокий крест на стене – скорее

всего, от могилы матери, а сама мать возникает то в образе Богоматери, то Музы. Н.А. Некрасов явственно отделяет своего героя от тех, чью жизнь определяет вера в Бога.

Не то у А.Н. Островского. Так, в народной драме «Не так живи, как хочется» (1854) драматург открыто помещает действие в христианский контекст, представленный уже в первой редакции пьесы, которая носила и соответствующее название «Божье крепко, а вражье лепко». В этой пословице первая часть безоговорочно утверждает веру в качестве основания мироустройства, вторая часть указывает на возможные отклонения. Между тем события в жизни Петра развиваются в столь драматическом ключе, что явно не могут быть определены только как отклонение. Нечто большее сумел уловить драматург в русской жизни. В результате пьеса получает название «Не так живи, как хочется». Но это только первая часть пословицы, полный вариант выглядит следующим образом: «Не так живи, как хочется, а так, как Бог велит». Вынеся в название только часть пословицы, А.Н. Островский не отказался вовсе от второй части, которая сформирует финал пьесы, характеры и поступки Ильи Иваныча, Афимьи, Агафона, Степаниды. Все они суть герои, репрезентирующие, по автору пьесы, подлинные основания бытия, но основания эти, идеальные в своей сути, нарушены в обществе и потому скрыты, подобно граду Китежу, в умолчании драматургом второй части пословицы. Вместе с тем это же умолчание есть свидетельство общеизвестности того, что утверждает вторая часть пословицы: жить следует так, как Бог велит. Отклонение от идеального плана бытия рождает драматическую коллизию: мир оказывается в ситуации пограничья. По мысли А.Н. Островского, отпадение от симфонии бытия коснулось самой сути русской жизни, но не лишило веры в Бога, о чем свидетельствуют такие, например, пьесы, как «Сердце не камень» (1879), «Не от мира сего» (1885).

В жизни Н.А. Некрасов, скорее, критически относился к вере. Так, во время итальянского путешествия осенью 1856 г., посетив памятники христианского искусства, он пишет И.С. Тургеневу из Рима: «Тысячи раз поруганная, распятая добродетель (или найди лучшее слово) и тысячи тысяч раз увенчанное зло – плохая порука, чтоб человек поумнел в будущем. Под этим впечатлением забрался я третьего дня на купол св. Петра и плюнул оттуда на

свет Божий – это очень пошлый фарс – посмейся» [29, с. 37]. Много позднее этого события Ф.М. Достоевский задается вопросом, способен ли Н.А. Некрасов «искренно заплакать о себе и о той святине духовной, которой сам лишал себя»? [8, с. 123]. Все его дальнейшие размышления свидетельствуют, что нет, не способен, что поэзия Н.А. Некрасова – это всегда собственная скорбь о себе самом, о чем бы он ни писал. Во время своего заграничного путешествия в 1862 г. А.Н. Островский так же побывал в Риме, в том числе оказался и в соборе Святого Петра: «Осмотрели собор мельком: у меня раза два были готовы навернуться слезы» [31, с. 395]. Как видим, один плюнул на мир Божий, а у другого те же образы рождали живое светлое чувство.

Хотя не все так просто. Вернувшись из заграничной поездки, Н.А. Некрасов пишет поэму «Тишина», где рождается образ чистой веры, столь значимый для народа:

Храм Божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.
Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди с открытой головой!

.....
Храм воздыханья, храм печали –
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слышали
Ни римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, Тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил –
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет Волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...
Я внял... я детски умилился...
И долго я рыдал и бился

О плиты старые челом,
Чтобы простил, чтоб заступился
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных, Бог скорбящих,
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем! [27, с. 51–52]

Но даже в этих редких для поэзии Н.А. Некрасова строках, создающих образ храма, алтарь оказывается скудным. От внимательного глаза лирического героя простота деревенского храма не ускользает. И здесь он резко расходится с народным религиозным сознанием, которому важны не эстетические красоты храмовых ликов, а их намоленность. В этом значении алтарь не только не скуден, но наоборот – есть вместилище веры многих поколений. Народное религиозное сознание не ведает рефлексии о вере, о Боге, поскольку не представляет себе жизни вне веры. Крестьянин верит, как дышит, что у Н.А. Некрасова будет наглядно изображено в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Здесь же лирический герой поэта пытается прожить перед алтарем те же чувства, но взгляд утыкается в скудный алтарь.

И А.Н. Островский, и Н.А. Некрасов любили театр. В 1868 г. они намеревались осуществлять редактирование задуманной студентом Императорского Московского университета А.И. Мамонтовым к изданию в Москве газеты «Театральный Листок», которая должна была печататься в его собственной типографии в доме купца, коллекционера и мецената Г.И. Хлудова. После тщательной проверки личности А.И. Мамонтова полковником Воейковым был написан документ, воспроизведенный в некрасовском томе «Литературного наследства». С точки зрения автора секретного документа, «редакторы предполагают проводить здесь... доктрины современной политической философии» [7, с. 33]. Кроме того, он приводит и еще одно пояснение: редакторы хотят «иметь в своем распоряжении орган произвольного суда над драматическими произведениями и, опираясь на этот авторитет, взять в монополию репертуар столичных театров. ... только пьесы Островского будут превозносимы до небес» [7, с. 33]. В результате этого донесения задуманное издание не состоялось.

И Н.А. Некрасов, и А.Н. Островский писали пьесы. Но Н.А. Некрасов был в первую очередь поэтом, А.Н. Островский – драматургом: «...я пишу для сцены, и, если мне не разрешат ставить на сцену пьесы, я буду самым несчастнейшим человеком на свете» [35, с. 175]. А.Н. Некрасов вошел в историю русского театра как автор водевилей, которые писал исключительно для заработка. Обращение Н.А. Некрасова к этому жанру закономерно, поскольку водевиль господствовал на русской сцене, начиная с 1830-х годов, достигнув своего апогея в 1840-е годы, как раз совпадающие с началом драматургической деятельности Н.А. Некрасова. Он вник в законы этого сценического жанра, которые описал в работе «Современные заметки» (1847): любовная тематика, обязательное наличие куплетов, с которыми перемежаются каламбуры, служащие для смеха, персонажи – «разные оригиналы», которые приезжают в столицу, наконец, наличие эффектов – переодевание, беганье по сцене, битье в спину, ссоры, примирения, узнавания, падения, обнимания, слезы и пр. Из всех приведенных определений явно видно, что Н.А. Некрасов видит в водевиле всего лишь некую поделку, которая не имеет никакого отношения к искусству [см.: 11]. Пользуясь псевдонимами, он создал такой жанр как автокритика – рецензии на спектакли по своим пьесам. При жизни он никогда не включал этих текстов в свои издававшиеся книги. А.Н. Островский тоже в начале своей творческой деятельности знакомился с водевильной техникой, особенно во французских пьесах. Именно благодаря водевилям он научился приемам «закручивания» интриги, написал под впечатлением водевилей две пьесы («Утро молодого человека», 1850; «Неожиданный случай», 1851) и на том завершил интерес к этому жанру, хотя его элементы использовал в дальнейшем. А.Н. Островский публиковал все написанные им пьесы, ни от чего не отказывался и ничего не стеснялся в своем творчестве.

В отличие от А.Н. Островского, Н.А. Некрасов в письмах (особенно к идейно близким людям) всегда очень открыт к тем, кто не является однозначно его идеологическим соратником, и одновременно очень осторожен. Так, в связи с обвинениями А.Н. Островского в плагиате он не бросается на его защиту, хотя в частном письме с его оценкой происходящего соглашается [29, с. 23]. Ранее в письме В.П. Боткину он с возмущением пишет:

«Явился Григорович. В числе разных сплетен он сообщил, что Островский будто ужасно сердит за резкое мнение о Филиппове. Напиши, в какой степени это справедливо. Однако если и так, то я все-таки скажу, что “Современник” – по крайней мере пока я в нем – не будет холопом своих сотрудников, как бы они даровиты ни были» [29, с. 20].

В письмах А.Н. Островского этого времени не обнаруживается следов ни довольства, ни недовольства статьей Т.И. Филиппова, где автор видит главную причину недостатков пьесы «Не так живи, как хочется» в половинчатой позиции ее автора, который стремится и народное самосознание воспроизвести, и от требований «натуральной школы» не отстать. С художественной точки зрения – плохо разработаны характеры. Хотя в целом Т.И. Филиппов высоко оценивает творчество А.Н. Островского [42]. Напомню, что драматург и Т.И. Филиппов состояли в дружеских отношениях, были членами «молодой редакции» в журнале М.П. Погодина «Москвитянин».

На эту статью Т.И. Филиппова отозвался Н.Г. Чернышевский в «Заметках о журналах» (Современник. 1856. № 6). Общая интонация его размышлений носит поучительно-снисходительный характер. Уже в самом начале он критически относится к именованию «славянофилы», органом которых «хочет быть “Русская беседа”», напечатавшая статью Тертия Филиппова [44, с. 651]. Н.Г. Чернышевский находит статью Т.И. Филиппова «случайной ошибкой» редакции и достойной, разве, «покойного “Маяка”». (Замечу, в примечаниях журнал назван «ультрареакционным» изданием, а статья Т.И. Филиппова написанной «с обскурантно-христианской точки зрения»). Обращу также внимание, что в «Маяке» работал в конце своей жизни Ап. Григорьев, который вызывал не слишком много сочувствия у Н.Г. Чернышевского, а следом и советских исследователей. Иное – А.Н. Островский, которому Ап. Григорьев всегда был близким человеком, и подобные заявления не могли его не ранить.

Между тем Н.Г. Чернышевский, дав общую негативную характеристику статье Т.И. Филиппова, высокомерно заявляет: «Если бы г. Филиппов только хвалил как ему угодно г. Островского, тут не было бы беды; но зачем примешивать странные толки о посторонних ему предметах, которые он совершенно не хочет понимать.

Его рассуждения слишком противоречат общему духу самой «Русской беседы», потому «мы не будем принимать его статью в соображение при нашем мнении» о журнале [44, с. 652]. Далее следуют длинные рассуждения о приложении понятия «народность» к науке и сомнительности такого рода действий. Хотя совершает эту «операцию» исключительно сам Н.Г. Чернышевский, а вовсе не славянофилы. Сугубо иезуитски Н.Г. Чернышевский старается отделить Т.И. Филиппова от Ю.Ф. Самарина, И.С. Аксакова, А.С. Хомякова, видимо, пребывая в надежде поселить между ними вражду. Кажется, именно с этой целью и была написана «заметка» Н.Г. Чернышевского. А.Н. Островский – просто повод.

Наконец, на эту полемику откликается и сам Н.А. Некрасов. В А.Н. Островском он видит первого (по искусности владения сценической природой пьесы) драматического писателя современности: «Обладая замечательной сценической сноровкой, тонким пониманием условий театральных, он жертвует для них полнотой и шириной своих лиц; они слова лишнего у него не вымолвят, все, так сказать, пригнано у них как раз в меру, как платье от модного портного» [28, с. 226]. Замечу, слова эти написаны человеком, вполне искушенным в театральном искусстве: к 1856 г. Н.А. Некрасов был автором шести оригинальных водевилей, с разной долей успеха шедших на столичной сцене. Н.А. Некрасов искренне сожалеет, что А.Н. Островский не дал ночной сцены («с ее фантастической и грозной обстановкой» [28, с. 227]) стояния Петра над прорубью, пожертвовав ею ради сценических условностей.

Удивительно по своей непосредственности, искренности и партийной незамороченности своеобразное обращение Н.А. Некрасова к А.Н. Островскому: «...мы готовы просить г. Островского не сужать себя преднамеренно, не подчиняться никакой системе, как бы она ни казалась ему верна, с наперед принятым воззрением не подступать к русской жизни. Пусть он даст себе волю разливаться и играть, как разливается и играет сама жизнь» [28, с. 226]. А в финале своих размышлений Н.А. Некрасов высказывает пожелание, чтобы «г. Островский шел вперед своею дорогою, не стесняя и не задерживая самого себя», и тогда «он сам, быть может, удивится, что произведут его силы, когда он им даст полный простор и свободу» [28, с. 227].

Конечно, такие слова не могли не родить в А.Н. Островском чувства глубокой благодарности к Н.А. Некрасову, надежды на понимание и поддержку. Вот первое обращение А.Н. Островского к Н.А. Некрасову на предмет денег в письме из Калязина: «Тарантасом расшибло мне ногу, и вот уже полторы недели лежу я без движения. Положение больного в отдаленном уездном городе – это ужас! ... Сделайте одолжение, пришлите мне денег, что можете; каждый рубль для меня теперь дорог, и, ради Бога, поскорее» [32, с. 78]. Некрасов откликается на просьбу и посылает «то, что есть, всего 50 рубл<ей> сер<ебром>» [29, с. 25].

И все-таки Н.А. Некрасов и А.Н. Островский были людьми разных взглядов, что, видимо, стало причиной их не случившейся дружбы. Хотя почти в самом начале их общения Н.А. Некрасов оговаривается: «Мне очень прискорбно, что я должен был написать к Вам деловое письмо, вместо дружелюбного и искреннего приветствия» [29, с. 83]. Никогда Н.А. Некрасов не писал А.Н. Островскому таких душевных писем, как, например, В.П. Боткину, И.С. Тургеневу, А.А. Фету (одно обращение «Фетушка» чего стоит!), никогда так искренне не заботился о его здоровье, как волновался о здоровье Н.А. Добролюбова. Их переписка носит в основном сугубо практический характер, касаясь печатания пьес, собрания сочинений А.Н. Островского и получения им денег, обязательство печататься, в первую очередь, в изданиях Н.А. Некрасова.

В 1857 г. в редакцию «Современника» пришел работать Н.А. Добролюбов, что никоим образом не улучшило отношений А.Н. Островского и Н.А. Некрасова. В письмах Н.А. Некрасова к А.Н. Островскому появилось «мы», т.е. «мы с Добролюбовым». Вот характерный пример: «Мы с Добролюбовым ее (комедию “Старый друг лучше новых двух”. – *И. Е.*) прочли и нашли, что она в своем роде великолепна – т.е. вполне достойна Вашего дарования» [29, с. 135]. Но он не написал А.Н. Островскому таких строк, как Н.А. Добролюбову: «Я уже сам не раз говорил, что Ваше вступление в “Современник” принесло ему столько пользы... что нам трудно и сосчитаться, и во всяком случае мы у Вас в долгу, а не вы у нас» [29, с. 138]. Это написано в июле. А в декабре Н.А. Некрасов пишет А.Н. Островскому: «Вы, чай, сердитесь на меня за невысылку денег. Однако чувство справедливости, Вам присущее, надеюсь, смягчит Вас: мне тоже случалось ждать – не

дождаться подолгу... в конце прошлого года мы принуждены были уплатить неожиданно значительную сумму, и нам в 1861 году будет трудна всякая выдача вперед даже и в скромных размерах» [29, с. 148]. Далее Н.А. Некрасов требует от А.Н. Островского точных сроков присылки обещанной вещи и пеняет драматургу, что «мы привыкли видеть себя последними там, где дело касается удовлетворения Ваших обещаний» [29, с. 148–149]. Иное – в апрельском письме 1861 г. Н.А. Добролюбову: «Что Вы так тревожитесь насчет денежных дел? ...Временные же Ваши затруднения я с удовольствием беру на себя» [29, с. 154]. Вряд ли к этим строкам нужны какие-то комментарии. Не был А.Н. Островский никогда близким Н.А. Некрасову человеком, разве в самом начале, в уже цитировавшихся заметках поэта. Позднее, «на обеденных собраниях у Некрасова», как отмечает С.В. Максимов, А.Н. Островский, «всегда серьезный и очень сдержанный, более молчаливый и прислушливый, чем разговорчивый», вставал «на защиту обвиняемых друзей (по “Москвитянину”. – *И. Е.*) в эпоху всеобщего отрицания», выступая «с горячностью и убедительностью» [23, с. 122].

Возвращаясь к Н.А. Добролюбову, замечу, что он внес свою лепту не только в отношения Н.А. Некрасова с А.Н. Островским, но и с гораздо более близким Н.А. Некрасову человеком – И.С. Тургеневым. Думаю, глубоко прав А.М. Березкин, когда резюмирует: «Сохранившиеся письма Некрасова к Добролюбову свидетельствуют о том, что между ними существовали отношения не только тесного делового сотрудничества, но и личной доверительности» [2, с. 15]. По мысли П.Д. Боборькина, именно статьи Н.А. Добролюбова о пьесах А.Н. Островского обеспечили драматургу и место *исключительного сотрудника* в «Современнике», роль *писателя-обличителя* «всех темных сторон русской жизни» [4, с. 184]. Замечу, эти статьи сыграли злую шутку с пьесами А.Н. Островского: подобно тому, как древние иконы записывали более поздними (несопоставимо худшими) образами, так Н.А. Добролюбов «замазал» своими статьями пьесы драматурга, вписав в их содержание собственные мысли, в которых отражались борения времени. Купцы А.Н. Островского превратились в «темное царство», а совершившая прелюбодеяние и самоубийство Катерина из «Грозы» (1859) оказалась «лучом света» в этом царстве. К сожалению, нет никаких свидетельств об отношении А.Н. Островского к этим статьям,

но молчание драматурга всегда было показательным и свидетельствовало как минимум о глубоких сомнениях.

После смерти Н.А. Добролюбова отношения Н.А. Некрасова и А.Н. Островского, судя по письмам, не изменили своего содержания, обострившись в связи со «Снегурочкой» (1873). «Весенняя сказка» Н.А. Некрасову не понравилась, и он предложил за нее драматургу сначала 1000 рублей, потом увеличил сумму еще на 500 рублей. Это было меньше, чем за «Комика XVII столетия». А.Н. Островский оскорбился и напечатал «Снегурочку» в журнале М.М. Стасюлевича. Позднее М.Е. Салтыков-Щедрин, ближайший сподвижник Н.А. Некрасова, будет упрекать А.Н. Островского за пьесу «Богатые невесты», о которой скажет: «Хуже “Богатых невест” я, право, мало что знаю» [цит. по: 13, с. 30]. Иную точку зрения на пьесу выскажет другой современник, князь В.М. Голицын: «Я вечером смотрел новое произведение талантливого Островского – “Богатые невесты”. Нельзя не признать за этой пьесой, выходящей из ряда обыкновенных того же автора, громадных достоинств, недоступных, к сожалению, пониманию нашей варварской, дикой публики» [14]. Это наблюдение принадлежит человеку, не обремененному идеологической принадлежностью, а потому свободному в своих суждениях, исходящих исключительно из восприятия произведения искусства.

Поэту и драматургу удалось сохранить сколько-нибудь добрые отношения не в последнюю очередь благодаря извинениям со стороны Н.А. Некрасова. Не думаю, что они были особенно искренни, причина – в А.Н. Островском, пьесы которого активно читались, а не только смотрелись. Н.А. Некрасов как издатель не мог не учитывать спроса. Иную позицию представляет Н.П. Емельянов. В частности, он пишет: «По собственному признанию Островского (ссылка на то, где такое признание Островский сделал, отсутствует. – *И. Е.*), он не видел для себя другого пути в литературе, кроме пути демократического, олицетворением которого являлись некрасовские “Современник”, “Отечественные записки”. Драматург весьма дорожил предоставленной ему журнальной трибуной» [13, с. 31]. Еще ранее В.Я. Лакшин напрямую связывал творческие успехи А.Н. Островского с сотрудничеством в «Современнике» Н.А. Некрасова [17, с. 84]. Действительно, до закрытия «Современника» Н.А. Некрасов напечатал: «На бойком

месте» (№ 9 за 1865 г.), «Шутники» (№ 9 за 1864 г.), «Тяжелые дни» (№ 9 за 1863 г.). Гонорары за пьесы А.Н. Островского в «Современнике» были довольно скромными, возможно, по той причине, на которую указывает В.Я. Лакшин: «Держась на почве строгих фактов... мы не должны преувеличивать степень близости Островского к редакции “Современника”», потому «как это ни прискорбно, лучшие пьесы Островского 50-х годов были напечатаны не в “Современнике”» [17, с. 84]. Демократический «Современник» оказывался совсем не демократическим в отношении тех, кто был ему чужд по идейным соображениям.

В этом отношении характерна история с попыткой Н.Н. Стрехова опубликовать в 1850 г. на страницах «Современника» свою повесть «По утрам». Н.А. Некрасов категорически отверг такого рода возможность, ссылаясь на цензуру. А вот публикатор письма Н.Н. Стрехова и некрасовских помет на его повести вполне резонно комментирует: «Действительной причиной отказа Некрасова было... то обстоятельство, что в повести уже чувствуются общественно-политические взгляды, предвосхищающие позднейшего Стрехова – философа-идеалиста и славянофила, одного из наиболее последовательных и непримиримых противников революционно-демократического лагеря» [24, с. 86].

История отношений А.Н. Островского с журналом «Отечественные Записки» подробно исследована В.Я. Лакшиным, который подчеркивает, что благодаря «Отечественным Запискам» «заблистали новые стороны таланта» драматурга, его «органическое тяготение к современной теме... вылилось... в творческие достижения щельковской осени 1868 года» [17, с. 88]. Речь идет о пьесах «На всякого мудреца довольно простоты» (1868) и «Горячее сердце» (1869), в которых А.Н. Островский выступил «как настоящий соратник Некрасова и Щедрина» [17, с. 88]. Причем «Мудреца» В.Я. Лакшин относит к единственному образцу «политической сатиры» в творчестве драматурга. В целом В.Я. Лакшин связывает сотрудничество А.Н. Островского в «Отечественных Записках» с окончательным оформлением его идейной позиции, совпадающей с общим направлением журнала, что придает его критике существующего строя сатирические оттенки.

С этим выводом сложно согласиться по той причине, что сатира чужда А.Н. Островскому как драматургу, он всегда оставляет

действующим лицам возможность проявить свои иные качества. Например, Ахов в пьесе «Не все коту масленица» (1871), потерпев в конце пьесы полное фиаско, дает денег и на приданое, и на свадьбу. И это несмотря на то что ни одно из его требований не было выполнено, а та, за которую он сватался, вообще выходит замуж за его бедного родственника. Даже Глумов в «Мудреце» не только подлец, но человек, умеющий оценить как свои поступки, так и тех, кто его окружает, для чего и нужен дневник. Глумов – умный человек, а как заметил умный (но бедный) Корпелов из «Трудового хлеба» богатому (но глупому) Потрохову, «всякому свое, милый stultus: нам ум, а тебе деньги; к нам люди ходят ума занять, а к тебе денег» [30, с. 84]. Попав в общество stultus'ов с намерением «занять денег», Глумов говорит на понятном им языке, замечу, нигде ни разу не ошибившись. Он не сумел лишь просчитать женской природы. Только здесь споткнулся. Не сатирой, а горечью веет от этой комедии, где умный человек, чтобы жить, вынужден заниматься всякой ахинеей, от которой его тошнит, да деваться некуда. По своей сути Глумов – это мифологема бытия человека в условиях, в которые он заброшен судьбой (в театре это называется «предлагаемые обстоятельства»). Дневник – то малое пространство, где он может быть искренним, но от того, что все время приходится врать, и это пространство не свободно от внешнего влияния.

Из пьес А.Н. Островского конца 1860–1870-х годов в «Отечественных Записках» Н.А. Некрасов напечатал: «На всякого мудреца довольно простоты» (№ 11 за 1868 г.), «Горячее сердце» (№ 1 за 1869 г.), «Бешеные деньги» (№ 2 за 1870 г.), «Лес» (№ 1 за 1871 г.), «Не все коту масленица» (№ 9 за 1871 г.), «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (№ 1 за 1872 г.), «Трудовой хлеб» (№ 11 за 1874 г.), «Волки и овцы» (№ 11 за 1875 г.), «Богатые невесты» (№ 2 за 1876 г.), «Правда – хорошо, а счастье лучше» (№ 1 за 1877 г.). Всего Н.А. Некрасов напечатал тринадцать пьес А.Н. Островского, но после событий, связанных со «Снегурочкой», был с драматургом предупредительным и точным в расчетах.

После смерти Н.А. Некрасова А.Н. Островский продолжал публиковать свои пьесы в «Отечественных Записках»: «Бесприданница» (№ 1 за 1879 г.), «Сердце не камень» (№ 1 за 1880 г.), «Невольницы» (№ 1 за 1881 г.), «Таланты и поклонники» (№ 1 за

1882 г.), «Красавец-мужчина» (№ 1 за 1883 г.), «Без вины виноватые» (№ 1 за 1884 г.). По В.Я. Лакшину, А.Н. Островский и в эти годы остается «верен идейным тенденциям “Отечественных записок”» [17, с. 99]. А вот современнику А.Н. Островского и Н.А. Некрасова видится иное: «Имена Тургенева, Гончарова, Некрасова были нам особенно дороги, но Островский был довольно чужд» по той причине, что на первый план в обществе ставилась «не художественность, а публицистическое направление произведений» [15, с. 190]. Верно подмечено, именно ведущей или утверждаемой в качестве таковой, либерально-демократической направленности никогда не было в пьесах драматурга, зато их отличала художественность. Вопреки идеологии его пьесы с удовольствием читались и смотрелись, потому журналы их печатали. Вечно нуждающийся в деньгах А.Н. Островский публиковал пьесы там, где больше платили и никогда этого не скрывал. Направленность издания его волновала менее всего, потому что драматург имел вполне сложившееся мировоззрение, позволявшее ему представлять жизнь в сценических образах, отражающих многообразие жизненных типов, жизненных ситуаций.

Принципиально различались Н.А. Некрасов и А.Н. Островский в личностном плане. Драматург был страшно закрытым человеком, в свой внутренний мир он впускал только очень близких людей: брата М.Н. Островского, друга и актера Ф.А. Бурдина. Если его письма к Ф.А. Бурдину сохранились в довольно большом объеме и многое открывают в отношениях его со своими современниками, актерами в первую очередь, то письма к брату – весьма отрывочно, в отличие от писем брата к нему. Это довольно большой корпус писем, до сих пор полностью не изданный. Но по ответным письмам можно понять, что драматург обращался к брату с самыми разными вопросами, делился переживаниями, мыслями. Не сохранились письма А.Н. Островского к горячо им любимой актрисе Л.П. Никулиной-Косицкой, по ее ответным письмам можно понять, насколько открыт был драматург в проявлении своих к ней чувств. Но опять-таки мы можем об этом только догадываться. Не то письма Н.А. Некрасова. У него все зависит от того, к кому он пишет: если это близкие ему люди, поэт предельно открыт в своих мыслях и чувствах, готов поделиться самым сокровенным, не стесняется в раздаваемых характеристиках; иное дело,

если письма делового характера, здесь он следит за каждым словом, при этом может быть как любезен, так и гневен.

Однажды решив, по просьбе М.И. Семевского, сообщить сведения о себе (менее чем за год до смерти), А.Н. Островский указал, что в его жизни особую роль играла всегда цифра 14, и привел ряд примеров. Этим, собственно, и ограничился. Ни до этого, ни после он никогда к автобиографическим записям не обращался. Н.А. Некрасовым написано лично и надиктовано другим лицам шестнадцать (!) автобиографий. Казалось, что он хотел описать свою жизнь как можно подробнее, точнее и никак не мог завершить записей.

А.Н. Некрасов и Н.А. Островский – в их инициалах имени-отчества словно наглядно запечатлелась принципиальная (*наоборотопонная*) разница жизненных позиций, что не помешало им с симпатией относиться друг к другу, получая взаимную выгоду. Сравнительные биографии позволяют увидеть в них два пути в развитии российской культуры: сугубо идеологический, независимо от содержания составляющих его идеологем, – это Н.А. Некрасов, и органический, исходящий из понимания того, что жизнь есть сложный многоцветный феномен, – это А.Н. Островский. При этом оба были и остаются талантливыми русскими писателями и мыслителями.

Список литературы

1. *Григорьев Ап.* Письма / изд. подгот. Р. Виттакер, Б.Ф. Егоров. М.: Наука, 1999. 474 с.
2. *Березкин А.М.* Эпистолярная проза Некрасова // *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 14. Кн. 1. Письма. 1840–1855 / ред. тома Б.В. Мельгунов. СПб.: Наука, 1998. С. 5–25.
3. *Берг Н.В.* <Молодой Островский> // А.Н. Островский в воспоминаниях современников / подгот. текста, вступ. статья и примеч. А.И. Ревякина. М.: Художественная литература, 1966. С. 36–64.
4. *Боборыкин П.Д.* <Островский на любительской сцене> // А.Н. Островский в воспоминаниях современников / подгот. текста, вступ. статья и примеч. А.И. Ревякина. М.: Художественная литература, 1966. С. 183–188.

5. Вильчинский В.П. Некрасов и А.Н. Островский в их переписке // Некрасовский сборник. Вып. VI / под ред. В.П. Вильчинского, Ф.Я. Приймы. Л.: ИРЛИ, 1978. С. 52–59.
6. Гонорарные ведомости «Отечественных Записок» / публ. В. Евгеньева-Максимова // Литературное наследство. Т. 49–50. Н.А. Некрасов: в 3 т. Т. 3 / гл. ред. П.И. Лебедев-Полянский. М.: АН СССР, 1949. С. 303–328.
7. Донесение помощника начальника Московского Губернского Жандармского Управления от 10 февраля 1868 г. / публ. Б. Папковского и С. Макашина // Литературное наследство. Т. 49–50. Н.А. Некрасов: в 3 кн. / под общ. ред. П.И. Лебедева-Полянского. М.: АН СССР, 1949. Кн. 1. С. 515–516.
8. Достоевский Ф.М. Декабрь. Свидетель в пользу Некрасова // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / гл. ред. В.Г. Базанов. Т. 26. Дневник писателя за 1877 г. Сентябрь – декабрь – 1880, август. Л.: Наука, 1984. С. 123–126.
9. Евгеньев-Максимов В.Е. Жизнь и деятельность Н.А. Некрасова: в 3 т. Т. 2. Гл. XXIV. М.; Л.: ГИХЛ, 1950. С. 320–337.
10. Егоров Б.Ф. Художественная проза Ап. Григорьева // Григорьев А.А. Воспоминания / изд. подгот. Б.Ф. Егоров. М.: Наука, 1988. С. 337–367.
11. Едошина И.А. Пародия и драматическая структура некрасовского водевиля // Творчество Н.А. Некрасова. Исторические истоки и жизнь во времени: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Ю.В. Лебедев. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1988. С. 19–25.
12. Едошина И.А. А.Н. Островский и Н.А. Некрасов // Едошина И.А. «А я, душа театра...» А.Н. Островский. Кострома: Костромаиздат, 2013. С. 71–81.
13. Емельянов Н.П. «Отечественные записки» Н.А. Некрасова. 1866–1877. Л.: ЛГУ, 1977. 168 с.
14. Из дневника князя В.М. Голицына // Литературное наследство. А.Н. Островский. Новые материалы и исследования: в 2 кн. Кн. 1 / ред. тома И.С. Зильберштейн, Л.М. Розенблюм. М.: Наука, 1974. С. 610.
15. Кони А.Ф. А.Н. Островский (Отрывочные воспоминания) // А.Н. Островский в воспоминаниях современников / подгот. текста, вступ. статья и прим. А.И. Ревякина. М.: Художественная литература, 1966. С. 189–197.
16. Краснов Г.В. Н.А. Некрасов и А.Н. Островский // Переписка Н.А. Некрасова: в 2 т. Т. 2 / сост. и коммент. В. Викторовича, Г. Краснова, Н. Фортунагова. М.: Художественная литература, 1987. С. 96–97.
17. Лакшин В.Я. А. Островский в «Отечественных записках» // Русская литература. 1960. № 3. С. 84–99.
18. Лакшин В.Я. Островский и Некрасов // Наука и жизнь. 1973. № 4. С. 141–143.

19. *Лакшин В.Я.* Александр Николаевич Островский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1982. 568 с.
20. *Лебедев Ю.В.* Духовные истоки русской классики. Поэзия XIX века: историко-литературные очерки. М.: Классикс Стиль, 2005. С. 135–136, 150, 154.
21. *Лебедев Ю.В.* Некрасов // А.Н. Островский. Энциклопедия / ред. колл.: Ганцовская Н.С., Журавлева А.И. и др. Кострома: Костромаиздат, 2012. С. 283–286.
22. *Лобанов М.П.* Островский. М.: Молодая гвардия, 1989. 400 с.
23. *Максимов С.В.* Александр Николаевич Островский // А.Н. Островский в воспоминаниях современников / подгот. текста, вступ. статья и примеч. А.И. Ревякина. М.: Художественная литература, 1966. С. 65–126.
24. *Назаревский А.* Пометы Некрасова на рукописи Н.Н. Страхова // Литературное наследство. Т. 53–54. Н.А. Некрасов: в 3 т. / гл. ред. П.И. Лебедев-Полянский. Т. 3. М.: АН СССР, 1949. С. 85–87.
25. Н.А. Некрасов и Костромской край: страницы истории / сост. и ред. Н.А. Зонтикова. Кострома: ДиАр, 2008. 384 с.
26. Неизданные письма к А.Н. Островскому. Из архива А.Н. Островского по материалам Гостеатрального музея им. А.А. Бахрушина / подгот. к печати М.Д. Прыгунов, Ю.А. Бахрушин, Н.А. Бродский. М.-Л.: Academia, 1932. 743 с.
27. *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 4. Поэмы 1855–1856 / гл. ред. М.Б. Храпченко. Л.: Наука, 1982. С. 51–52.
28. *Некрасов Н.А.* Заметки о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года // *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 11. Кн. 2. Критика. Публицистика. 1847–1869 / ред. тома Н.Н. Мостовская, Ф.Я. Прийма. Л.: Наука, 1990. С. 225–227.
29. *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 14. Книга Вторая. Письма. 1856–1862 / ред. тома Б.В. Мельгунов. СПб.: Наука, 1999. 355 с.
30. *Островский А.Н.* Трудовой хлеб // *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 4. Пьесы (1873–1877) / ред. тома Е.Г. Холодов. М.: Искусство, 1975. С. 60–112.
31. *Островский А.Н.* Поездка за границу в апреле 1862 г. // *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 10. Статьи. Записки. Речи. Дневники. Словарь / ред. тома Е.Г. Холодов. М.: Искусство, 1978. С. 379–402.
32. *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 11. Письма (1848–1880) / ред. тома В.Я. Лакшин. М.: Искусство, 1979. 781 с.
33. *Осьмаков Н.В.* Некрасов и Островский // Наследие А.Н. Островского и советская культура. М.: Наука, 1974. С. 93–109.

34. Панаев В.А. Воспоминания // Литературное наследство. Т. 49–50. Н.А. Некрасов: в 3 т. Т. 1. Изд. 2-е, испр. / гл. ред. П.И. Лебедев-Полянский. М.: АН СССР, 1949. С. 196–200.
35. Панаева (Головачева) А.Я. Из «Воспоминаний» // А.Н. Островский в воспоминаниях современников / подгот. текста, вступ. статья и примеч. А.И. Ревякина. М.: Художественная литература, 1966. С. 173–176.
36. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля: в 3 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 1. 640 с.
37. Ревякин А.И. А.Н. Островский. Жизнь и творчество. М.: Государственное Учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1949. 344 с.
38. Розанова Л.А. «Снегурочка» и аналогичный ряд художественных произведений (XIX век) // Щельковские чтения – 2002. Проблемы эстетики и поэтики творчества А.Н. Островского: сборник статей / науч. ред., сост. И.А. Едошина. Кострома: (без изд.), 2003. С. 127–138.
39. Скатов Н.Н. Некрасов. 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2004. 426 с.
40. Смирнов С.В. Христианские мотивы в ранней лирике Н.А. Некрасова // Карабиха: историко-литературный сборник. Вып. 7. Ярославль, 2011. С. 37–43.
41. Суворин А.С. Недельные очерки и картинки // Литературное наследство. Т. 49–50. Н.А. Некрасов: в 3 т. Т. 1. Изд. 2-е, испр. / гл. ред. П.И. Лебедев-Полянский. М.: АН СССР, 1949. С. 200–207.
42. Филиппов Т.И. Не так живи, как хочется // Филиппов Т.И. Русское воспитание / сост., предисл. и коммент. С.В. Лебедева; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 81–114.
43. Худяков С.Н. Воспоминания об А.Н. Островском // А.Н. Островский в воспоминаниях современников / подгот. текста, вступ. статья и примеч. А.И. Ревякина. М.: Художественная литература, 1966. С. 303–307.
44. Чернышевский Н.Г. Заметки о журналах. Май 1856 года // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 16 т. / под общ. ред. В.Я. Кирпотина. Т. 3. М.: ОГИЗ ГИХЛ, 1947. С. 650–661.